

Идут двое по Красной площади, видят мужик со знакомым лицом у Мавзолея стоит. Один его спрашивает: «Извините, товарищ, внешность у вас знакомая, вы кто по фамилии будете?» — «Брежнев Леонид Ильич», — отвечает мужик. — Видишь, Вася! А ты говорил: Банионис! Банионис!

Анекдот 69-го года

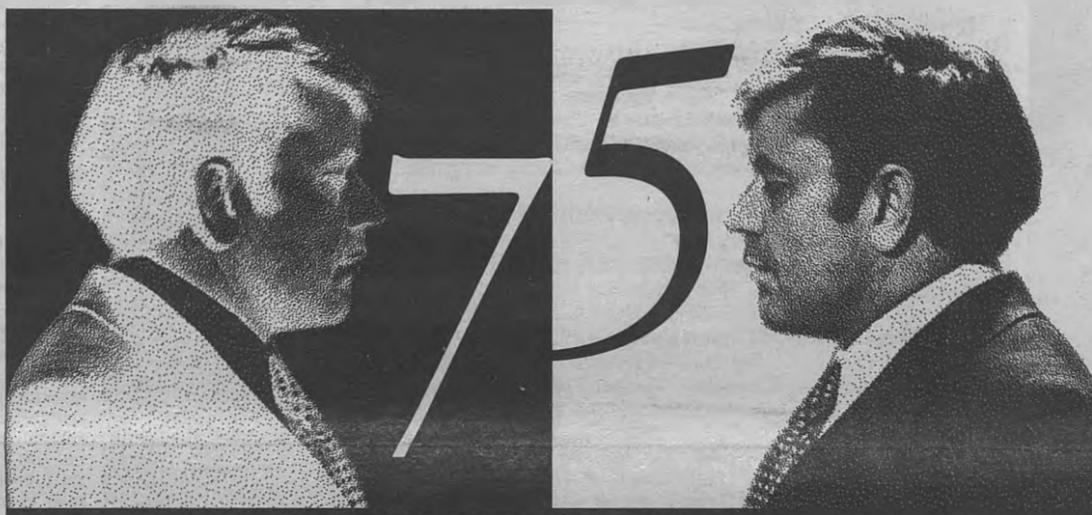
Небеса,

или

Старый цирковой трамвай

Донатасу Банионису —

Савва КУЛИШ

дел, это было какое-то странное, ни на что не похожее волшебство. Я запомнил это на всю жизнь.

Во время первой пробы я мгновенно его узнал. Вернее, не его, а странную улыбку, таинственную способность мгновенного преображения, особую литовскую замкнутость. Он был вещью в себе. И тогда я понял — именно таким должен быть мой герой и, наверное, таким должен быть профессиональный разведчик. Когда мы в Москве только начинали снимать картину, мы приехали с нашим главным консультантом, прототипом главного героя Ладейникова, Кононом Трофимовичем Молодым к гостинице "Россия", где должна была состояться съемка и где нас ждала группа, вдруг, неожиданно для себя, я попросил его узнать среди членов съемочной группы человека, которому предстоит сыграть его самого в картине. Он засмеялся, сказал: «Попробуем».

Конон Трофимович трижды ошибся, хотя Банионис был в белом костюме, у него были набриолиненные волосы и черные, отвратительные усики над губой. Когда я их узнал, он сказал: «Это правильный выбор: настоящий разведчик никогда не виден, его никто не видит в толпе». Конечно, и это было для меня важно (сломать стереотип фильмов о разведке), но главное было совсем другое. Донатос Банионис замечательный, неповторимый, ни на кого не похожий актер. Я видел его в театре у Мильтиниса, в Паневежисе в пьесе Борхерта «Там, за дверью» — это одно из самых сильных театральных впечатлений в моей жизни. Великий режиссер и педагог Йозас Мильтинис создал в маленьком литовском городе Паневежисе уникальный театр и воспитал для него невероятную плеяду актеров. Если не ошибаюсь, Донатаса он воспитывал с 16 лет. Он мог выращивать актера три, четыре года, пять, шесть лет, до тех пор, пока он не начал понимать, что его больше нечему учить, дальше актер должен плыть сам. Потом только режиссерские задачи и никакой педагогики.

Паневежский театр той поры — уникальное мировое явление, оказавшее огромное влияние на весь наш театр и, конечно же, через актеров на наше кино. Мильтинис во всех картинах, где снимался Банионис, обязательно приглашался как режиссер по актерам, но я категорически воспротивился этому.

Уже было снято четверть картины, а Мильтинис, так же как Донатас, не видел ни одного метра материала. Банионис нервничал, страдал, тихо раздражался. Наконец, однажды вечером, в Таллине, пришел ко мне и сказал: «Ну я очень тебя прошу, пусть он приедет, а то смотри, перестанет отпускать меня на съемку, — это была угроза и серьезная, — ты должен меня понять?!» Я понял! Мы снимали сцену смерти профессора О'Рейли, Донатас очень нервничал, нервничала вся группа и больше всех, наверное, я — приехал великий Мильтинис экзаменовывать новичка. Наконец, съемка закончилась, и мы с моим дорогим Сашкой Чечулиным пригласили Мильтиниса и Баниониса посмотреть материал. Просмотр прошел в полной тишине, только иногда Донатас спрашивал что-то по-литовски, а Мильтинис ему не отвечал. Перед концом просмотра я, извинившись, ушел монтировать. Намеренно вернулся очень поздно в гостиницу. Они ждали меня в баре. Между ними стояла неоткрытая бутылка коньяка. Мы просидели полночи. Мильтинис принял меня в режиссеры: «Будет хорошая картина, — сказал он, — его никогда не слушай, — засмеялся он, глядя на Баниониса, — не обращай никакого внимания. Донатас — уникальный сосуд эмоций, и учти, у него совсем нет кожи, будь осторожен!»

Я уже сам стал догадываться об этом. В этом актере и человеке была заключена какая-то тайна, он сам — тайна, именно поэтому так неожиданно, необычно выглядели все его импровизации. Вынужденные импровизации, потому что я никогда не говорил «стоп» после того, как сцена была сырана. И все актеры знали об этом и боялись, и только Донатас и Ролан легко и бесстрашно пускались в плавание.

А пока «Ленфильм», худсовет единогласно голосуют против утверждения актера Баниониса на главную роль в фильме «Мертвый сезон». Худрук студии Козинцев принимает решение дать возможность молодому режиссеру снять с Банионисом несколько сцен в Москве, в случае, если отснятый материал будет признан плохим, — актер Банионис с роли снимается и режиссер Кулиш заменяется другим режиссером. Я привез пробы в Москву, показал моему учителю Михаилу Ильичу Ромму, он посмотрел, сказал: «Пробы хорошие, а артист мне не нравится, у него нет юмора». Последствием Козинцев и

Ромм написали о том, как они ошибались, и еще о том, как важно для режиссера твердо знать, что он хочет делать, и так нельзя ему в этом мешать. Впоследствии, почти такая же ситуация повторилась на фильме «Взлет», с утверждением Евтушенко на роль Циолковского, но там были другие, политические, причины.

Итак Москва, начинаем снимать прямо с финала картины, с последних кадров: Ладейникова везут в машине по Москве, странная улыбка бродит у него по лицу, ему что-то говорят, а он не слышит, может быть, он вспоминает все, что с ним было, а может быть, и нет, впереди новая, непростая жизнь. Тем, кто был арестован и сидел в иностранной тюрьме, не особенно верят, какие бы заслуги разведчик ни имел в прошлом. Говорят, в этом месте бывшие разведчики всерьез переживали, они вообще отнеслись к этой картине, как к чему-то личному и, как ни странно, об этом же говорили люди совсем других профессий. Картина была страшно изуродована начальством. Из фильма вырезали гибель Саввушкина, а главное, из картины была полностью вырезана любовная линия Ладейникова и барменши. Полтора месяца мы репетировали эту сцену, но все-таки ее вырезали (потому что советский разведчик не имеет право на любовь за границей). Донатас со Светланой Коркошко невероятно нежно и трагически сыграли эту сцену. Они сыграли необходимость расставания любящих людей.

А пока мы только приспособливаемся, притираемся друг к другу — снимаются первые кадры, и тогда я, после долгих мучений, нашел его внутреннее состояние, нашел то, что должно было быть у моего героя внутри.

«На холмах Грузии лежит ночная мгла: Шумит Арагава предо мною. Мне грустно и легко; Печаль моя светла; Печаль моя полна тобою».

Донатас тогда совсем плохо знал русский язык, но когда он понял смысл волшебства пушкинских стихов, роль открылась, как будто кто-то повернул внутри него ключик.

Вообще стихи удивительным образом настраивали его, помогали решать сцены. Стихи и библейские тексты.

«И выйдет дым из кладези бездны! И солнце станет мрачным, как власяница! И луна будет, как кровь! И люди будут искать смерти

и не найдут ее...»

В сорокаградусный мороз в пустом Домском соборе Таллина Донатас и прекрасный эстонский актер Леон Мерзинь играют сцену: Донатас — невероятно мощный, вдохновенный, убедительный, для Леона это первая серьезная роль. Он просит Донатаса: «Помоги мне». И вдруг я слышу: «Не хочу, не могу, не буду». Этот суперпрофессионал, войдя в роль, не нуждается в партнере, он ему просто мешает, потому что сейчас крупный план, потому что он работает на камеру.

В каждой сцене, сыгранной вместе с Быковым, они боролись друг с другом. Это была борьба разных актерских школ, разных представлений о жизни, разных характеров, но именно эти партнеры, друзья-враги, в своей борьбе за первенство рождали удивительные сцены.

Таллин. Ночь. Я устал, измучен, утром надо снимать одну из главных сцен. Она еще недописана, но все равно надо снимать. Быков и Банионис почти не давали времени для съемок, кроме того, Ролан, нарушив наш договор, выпил, мы поругались, и вдруг стук в дверь, я открыл, в коридоре — Ролан с Банионисом.

— Говорят, — сказал красный от возмущения Ролан, — ты не хочешь переписывать текст. Так вот учти, сниматься мы не будем!

Банионис замаялся.

— Хорошо бы ты нам его прочитал.

Читаю написанное. Ролан и Донатас сразу стали импровизировать. Мы втроем играем сцену несколько раз. Она — готова! Осталось только записать. Рассмеялся. Ролан посмеиваясь — Банионису:

— Я тебя завтра все равно переиграю!

Донатас мягко улыбнулся:

— Может быть.

Утро. Лес. Машина. Все нервничают — это кульминация, это залог будущего движения фильма. Мы только один раз прошли сцену и сразу стали снимать. После первого дубля я отвел Баниониса в сторону и стал говорить ему, что он превосходно играет, но вот Ролан... только вот эту реплику я прошу чуть помягче, а здесь бы хорошо улыбнуться Саввушкину как маленькому ребенку.

После второго дубля Ролан подошел ко мне и сказал:

— А теперь говори со мной. Пусть теперь он попервичает. Третий — будет лучше, но на его паузу я отвечу своей. И посмотрим, чья возьмет.

Банионис, описав круг, подошел ко мне и зашептал на ухо: «Можно я повернусь к нему? Он же не ждет этого, правда? А потом, когда он потянется ко мне, я отвернусь и улыбнусь, с неудовольствием, чтобы он не видел, и тогда посмотрим, кто лучше».

Третий дубль вошел в картину, для меня это лучшая сцена, там всегда смеются и аплодируют.

После «Мертвого сезона», после того, как фильм посмотрело 100 миллионов человек за 9 месяцев, Донатас стал одним из самых популярных людей своей страны, на него обрушилось огромное количество предложений, он снялся у Козинцева в «Короле Лире», он сыграл Гою у Волфа, он снялся у Тарковского в «Солярисе», он стал частью культуры страны.

Последний раз втроем — Ролан, Донатас и я сидели на телевизионной передаче «Старая квартира» и вспоминали о «Мертвом сезоне», о странной картине, которая сдружила нас, но, к сожалению, не имела продолжения в общей работе. Потом, на следующий день, мы пообедали вместе, и я предложил им сняться в новой картине, и мы опять стали фантазировать, сочинять сцены, импровизировать. Со стороны мы, наверное, были похожи на трех сумасшедших, вырвавшихся на свободу, или на мальчишек, рассказывающих о своих больших успехах в охоте, рыбной ловле и любви.

Теперь нас осталось двое.

Недавно я был в Таллине, прошел по всем местам, где когда-то снималась наша картина. Почти все сохранилось, но только нет Саши Чечулина и Жени Гукова, нет Йенори Копеля, Маури Рауса, Антса Эсколы, нет Леона Мерзиня и Юрия Ярвета. Ушел Ролан.

Я сижу на концерте Эллинтона и слушаю старые мелодии «Старый цирковой трамвай» и «Небеса», которые мы так любили и мне кажется, что они, наши товарищи, играют на небесах.

Дорогой Донатас, ты — великий актер, ты — часть литовской и русской культуры, ты — часть моей жизни.

Донатас, давай попробуем еще раз поработать вместе. Давай попробуем снять то, о чем мы вместе мечтали с Роланом, — «Возвращение».

Пьесы Дюка Эллинтона очень любил наш Сашко, не уходящий за горизонт, Александр Михайлович Чечулин — главный оператор «Мертвого сезона».

Я сижу на джазовом фестивале в честь столетия Дюка Эллинтона, плыву в теплом море старой великой музыки, наслаждаюсь и вспоминаю.

«Это замечательная идея, старик, взять Баниониса на роль немца Гребана! Пускай Видов пожалеет». Неожиданно Олега Видова, уже утвержденного на роль фашиста Гребана, Госкино продал на съемки в иностранную картину. Так судьба сделала мне очень серьезное предложение. Правда, за него надо было побороться и всеерьез, с риском за будущее картины и свое. Сначала все было нормально: прилетел хороший актер из Прибалтики со странным, не кинематографическим лицом на роль фашиста — хорошо. Он сыграл в картине Жалакявичуса «Никто не хотел умирать» необычного героя — замечательно! Но потом молодой режиссер Кулиш, делая первую картину, переумудрил, зарвался, обалдел! Кулиш решил утвердить Баниониса на главную роль! Он предпочел его без всяких на то оснований прекрасным актерам — Славе Тихонову и Владлену Давыдову, при том, что у каждого из них были превосходные пробы. И потом они были наши герои... русские, а моды на прибалтов еще не было, это потом Будрайтисы и Адомайтисы станут играть русских мужиков.

Много лет спустя придет осознание, что другая школа, манера, особая стать, стиль, иные лица актеров из Прибалтики обогащают, раздвигают рамки «социального героя», которого массово набирали в актерские училища. Этому валу социального заказа на определенный тип людей противостояли немалые училища: Вахтанговское, МХАТ и, конечно же, талант и самоубытность неистребимого русского народа.

Итак, худсовет на «Ленфильме» утверждает всех актеров, кроме главного героя Ладейникова. Накануне вечером позвонил Козинцев — худрук студии, очень неприятно сказал: «Савва, вы талантливый молодой человек, но вы совершаете ошибку за ошибкой. Сначала вы взяли чудовищный сценарий, сейчас, слава богу, вы с грехом пополам его переделали, теперь вы берете ужасающего артиста Баниониса. Я видел его в каком-то сериале по телевизору — это провинциальный фигляр, клоун какой-то, с плохими манерами! Завтра худсовет — хорошо подумайте!»

Я хорошо подумал, я не просто хорошо подумал, Банионис стал моей главной козырной картой. Весь вопрос заключался в том, что, несмотря на то, что «Мертвый сезон», конечно же, детектив, но я не хотел, не собирался делать повтор любимой всеми мальчишками, моими авторами и началом классического фильма «Подвиг разведчика». Для меня это вообще был фильм не о разведке, это была картина о тех редких, избранных людях, которые думают о судьбах мира, в котором мы живем, которые живут в страшной, ненормальной жизни в чужой стране, говорят на чужом языке многие годы ради того, чтобы однажды спасти мир от безумия очередного взорвавшегося политика, они живут ради одного единственного момента, который оправдывает всю их ненормальную, перевернутую жизнь. Именно поэтому мне необходимо было в картине все другое. Другая атмосфера, другие ритмы, другая музыка, другая степень достоверности, и, конечно же, другие люди должны были населять ее пространство, поэтому появились актеры из Прибалтики, поэтому появился другой герой. Вместо высокого красавца арийского типа, возник невысокий, незаметный человек, почти без шеи, почти с неподвижным лицом, когда на него кто-нибудь смотрит.

Мы были с ним давно знакомы, но он не знал об этом, так же, как и я.

Сразу после института я вместе с оператором Валей Железняковым снимал первый советский телевизионный фильм «Особый подход», эстетскую картину в рисованных декорациях — белое на белом. Только выстроили декорацию, и вдруг дирекция Ялтинской студии отдает вторую часть павильона литовской картине «Адамас хочет быть человеком». Останавливают съемку, мы были в ярости.

На пробах Баниониса я неожиданно вспомнил. Ялта. Весна. Двор студии. У павильона стоит неприятный человек с серым лицом, в серой шляпе, в сером пальто. И смотрит в себя. Я вежливо поздоровался, и вдруг он улыбнулся! Это было абсолютное преображение: он превратился в совершенно другого человека, я такого еще никогда не ви-

Журнал и сценарий.